

**ПЕНАЛИЗАЦИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ
НА ОСНОВЫ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ:
ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

В статье рассматриваются проблемы наказуемости наиболее распространенных преступлений против основ конституционного строя, предусмотренных ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» и ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Анализируются две стороны пенализации данных деяний — на уровне законотворчества и на уровне правоприменения. Используется действующее уголовное законодательство с учетом изменений, внесенных в 2014 г., статистические сведения о состоянии преступности и назначении наказания по указанным преступлениям за 2003—2014 гг. Также исследуется обоснованность предложений по усилению строгости наказания за конкретные преступления, связь между уровнем преступности и строгостью наказаний, предупреждения преступлений. Проводится сопоставление динамики назначения наказания в виде лишения свободы осужденным за совершение данных преступлений и количества зарегистрированных преступлений. Усиление строгости санкции выглядит уместной законодательной мерой, когда практика назначения наказания по соответствующей категории дел свидетельствует о недостаточном потенциале санкций норм Особенной части УК РФ. Наряду с иными обстоятельствами свидетельствовать о такой недостаточности должно то, что в рамках этих санкций суды назначают более строгое наказание из числа альтернативно предусмотренных и на срок (в размере) ближе к верхнему пределу санкции.

Ключевые слова: уголовное наказание; пенализация; преступления против основ конституционного строя; публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности; возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства; экстремизм; преступления экстремистской направленности.

A. G. Khlebushkin

**PENALIZATION OF CERTAIN INFRINGEMENT AGAINST THE CONSTITUTIONAL ORDER:
THEORETICAL AND EMPIRICAL SURVEY**

The article considers the problems of punishability of most common crimes against the constitutional order under art. 280 of the RF Criminal Code, «Public calls for extremist activity» and art. 282 «The incitement of hatred or hostility, and humiliation of human dignity». Author analyzes the two sides of the penalization of this acts, the first at the level of legislation and the second at the level of law enforcement. Existing criminal laws, taking into account the changes made in 2014, statistical information about the state of criminality and sentencing for these crimes for the years 2003—2014 are used. The problems of the validity of the proposals to enhance the severity of punishment for specific crimes, finding the link between level of crime and the severity of punishment, the prevention of crime are also analyzed. Author compares the dynamics of punishment as imprisonment for the convicted person for these crimes and the number of registered crimes. Strengthening of severity of the sanction looks a pertinent legislative measure when practice of purpose of punishment on the corresponding category of affairs testifies to the insufficient potential of sanctions of norms of Special part of the criminal code of Russian Federation. Along with other circumstances that within these sanctions courts impose more strict sentence from among alternatively provided has to testify to such insufficiency and for term (in a size) is closer to the top limit of the sanction.

Keywords: criminal penalties; penalization; crimes against the constitutional order; public calls to extremist activity; the incitement of hatred or hostility, and humiliation of human dignity; extremism; extremist crimes.

Вследствие обострения проблем, связанных с совершением каких-либо общественно опасных деяний, нередко высказываются предложения по усилению репрессивного воздействия в основном

двух видов:

1) ввести в уголовный закон новую норму об ответственности за такое деяние или изменить редакцию уже действующей;

2) усилить наказание, если норма уже существует.

В первом случае речь идет о криминализации, во втором — о пенализации.

Такой подход не является новым. А. И. Коробеев приводил данные анализа 28-летнего периода действия УК РСФСР 1960 г., согласно которым в предложениях о совершенствовании уголовного законодательства, собранных в картотеках ВНИИСЗ, более 90 % сводились к расширению ответственности и усилению наказания [1, с. 36, 46].

Пенализация является одним из методов уголовно-правовой политики и определяется как установление характера наказуемости общественно опасных деяний в законе и в судебной практике [2, с. 53]; «процесс определения характера наказуемости деяний, а также их фактическая наказуемость, т. е. процесс назначения уголовного наказания в судебной практике» [3, с. 137].

Уголовно-правовая политика реализуется в двух формах — правотворчестве и правоприменительной деятельности [4, с. 48, 52], соответственно, выделяют и две стороны пенализации — на уровне законотворчества и на уровне правоприменения [5, с. 309]. Практическую пенализацию можно считать своеобразным индикатором пенализации законодательной, способным свидетельствовать о недостаточности или избыточности последней.

В рамках исследования наказуемости преступлений против основ конституционного строя Российской Федерации рассмотрим данные о назначении наказания осужденным за совершение наиболее распространенных преступлений, относящихся к данной группе: публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) и возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), которые выступают также проявлениями преступного экстремизма.

Санкции названных статей неоднократно менялись. В частности, в 2014 г. была изменена категория преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 280 УК РФ и ч. 1 ст. 282 УК РФ путем повышения

пределов соответствующих санкций (теперь они относятся к преступлениям средней тяжести, ранее являлись преступлениями небольшой тяжести).

Количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 280 и ст. 282 УК РФ, имеет устойчивую тенденцию к росту. По ст. 280 УК РФ в 2003 г. было зарегистрировано 1 преступление, в 2004 г. — 8, в 2005 г. — 8, в 2006 г. — 22, в 2007 г. — 38, в 2008 г. — 29, в 2009 г. — 45, в 2010 г. — 51, в 2011 г. — 61, в 2012 г. — 94, в 2013 г. — 143, в 2014 г. — 181.

По ст. 282 УК РФ в 2003 г. было зарегистрировано 72 преступления, в 2004 г. — 59, в 2005 г. — 80, в 2006 г. — 173, в 2007 г. — 170, в 2008 г. — 182, в 2009 г. — 223, в 2010 г. — 272, в 2011 г. — 242, в 2012 г. — 345, в 2013 г. — 492, в 2014 г. — 591 [6, с. 325; 7, с. 522; 8, с. 344; 9, с. 629; 10, с. 367; 11, с. 274; 12, с. 333].

Наказуемость данных преступлений неоднократно характеризовалась как недостаточная. Так, еще в 2011 г. отмечалось, что, «по мнению депутатов, сегодня большинство тех, кого привлекают за экстремизм, чаще всего отделяются штрафом. Поэтому они не боятся призывать к межнациональной розни» [13].

В том же 2011 г. разрабатывался проект поправок в УК РФ, согласно которому по ст. 280 и ст. 282 предлагалось максимальное наказание установить от пяти до десяти лет лишения свободы, поскольку, как указал руководитель рабочей группы по подготовке данного законопроекта, заместитель председателя комитета Государственной думы РФ по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству А. Назаров, одна из причин роста числа преступлений экстремистской направленности заключается в том, что «существующее уголовное наказание не является угрозой для преступников». При этом в ходе обсуждения проекта было отмечено, что «на расследование таких преступлений уходит много времени, задействуются десятки сотрудников, а суд в итоге приговаривает виновного к отбыванию наказания в колонии-поселении или к штрафу. То есть осужденный имеет возможность продолжать противоправную деятельность» [14].

На недостаточную наказуемость этих преступлений указывали и представители правоохранительных органов, непосредственно

осуществляющих противодействие экстремизму [15].

Подобные характеристики и предложения могут являться следствием не совсем верной оценки ситуации в сфере наказуемости рассматриваемых преступлений: высказывая мнения о том, что данные преступления наказываются недостаточно, авторы считают это проблемой законодательной и предлагают

законодательство менять. Однако, как будет продемонстрировано ниже, такая ситуация складывается именно в практическом, а не законодательном направлении пенализации. Говоря проще, дело не в недостаточной строгости санкции, а в том, какое наказание суды фактически назначают в рамках этих санкций. Прежде всего, они редко прибегают к реальному лишению свободы (рис. 1 и 2) [16].

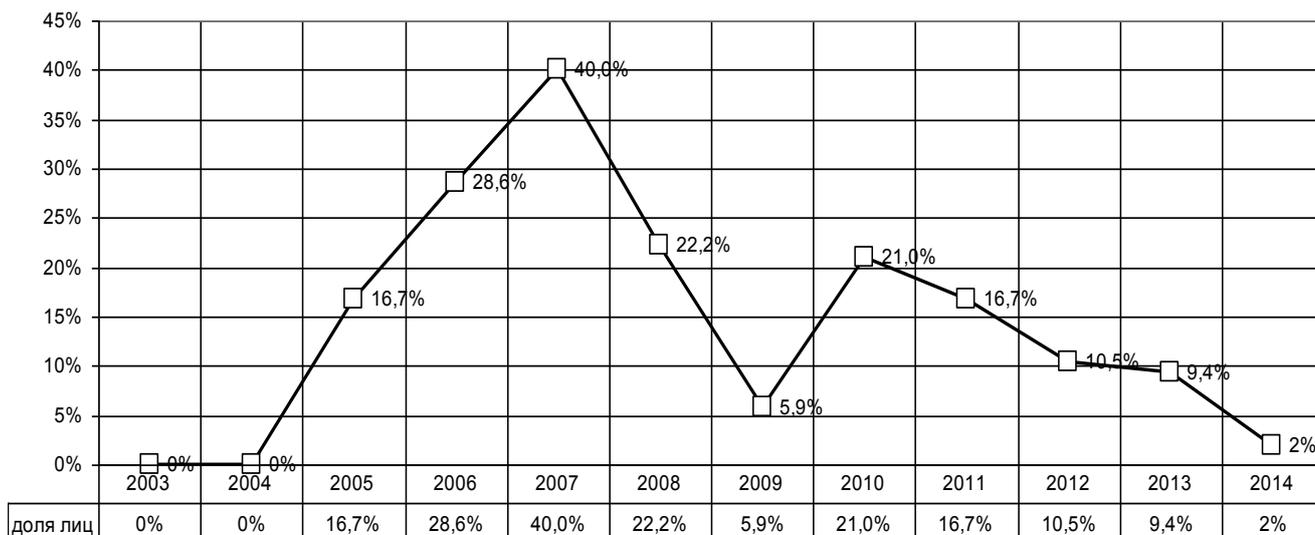

Рис. 1. Доля лиц, которым назначено реальное лишение свободы по ст. 280 УК РФ как по наиболее тяжкому преступлению в 2003—2014 гг. (в % к общему числу осужденных по данной статье в году как за наиболее тяжкое преступление)

В 2003 г. и 2004 г. наказание по ст. 280 УК РФ как по наиболее тяжкому преступлению не назначалось.

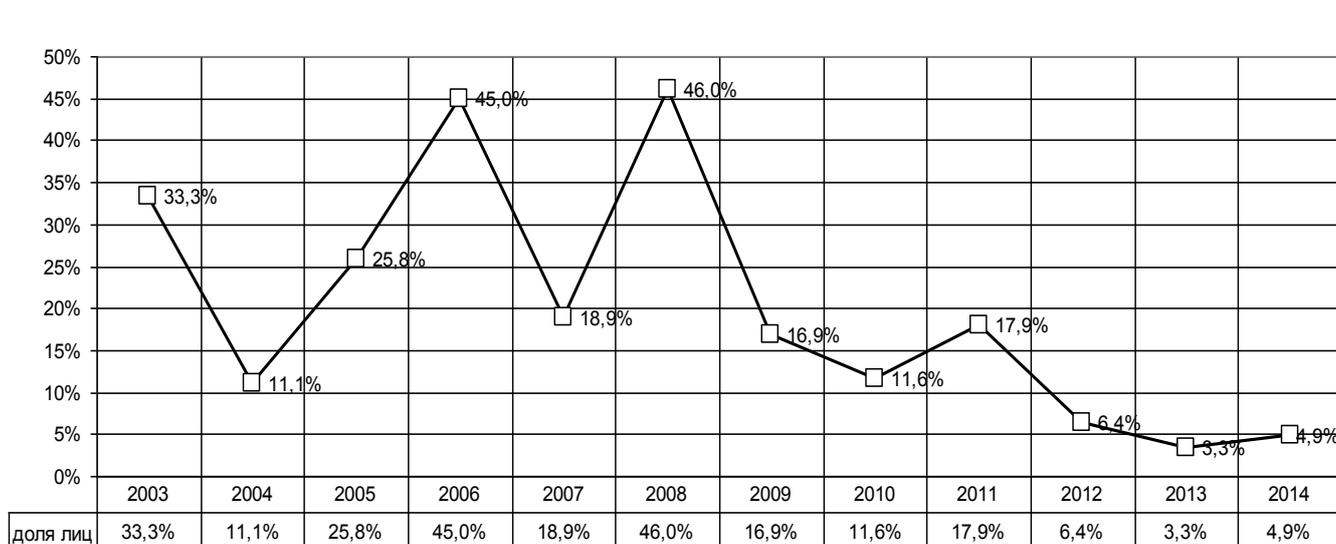

Рис. 2. Доля лиц, которым назначено реальное лишение свободы по ст. 282 УК РФ как по наиболее тяжкому преступлению в 2003—2014 гг. (в % к общему числу осужденных по данной статье в году как за наиболее тяжкое преступление)

В такой ситуации ужесточение наказания путем изменения верхнего предела наказания в виде лишения свободы в санкциях данных статей вряд ли что-то изменит, поскольку даже имеющийся их потенциал используется в настоящее время далеко не полностью [17; 18; 19].

Формирование критической оценки наказуемости рассматриваемых преступлений происходит не без влияния отмеченного выше значительного снижения осуждения к реальному лишению свободы и широкое применение условного осуждения либо наказаний, не связанных с изоляцией от общества, когда виновные лица остаются на свободе и

продолжают заниматься преступной деятельностью. При этом не учитывается общественная опасность данных деяний. Иногда на это обращается внимание и на практике.

Представляет интерес сопоставление динамики назначения реального лишения свободы осужденным по данным статьям и изменения количества регистрируемых преступлений (рис. 3 и 4), ответственность за совершение которых установлена ст. 280 и ст. 282 УК РФ: на фоне роста последних наблюдается устойчивое и значительное снижение доли осужденных, которым назначается наказание в виде лишения свободы (реального).

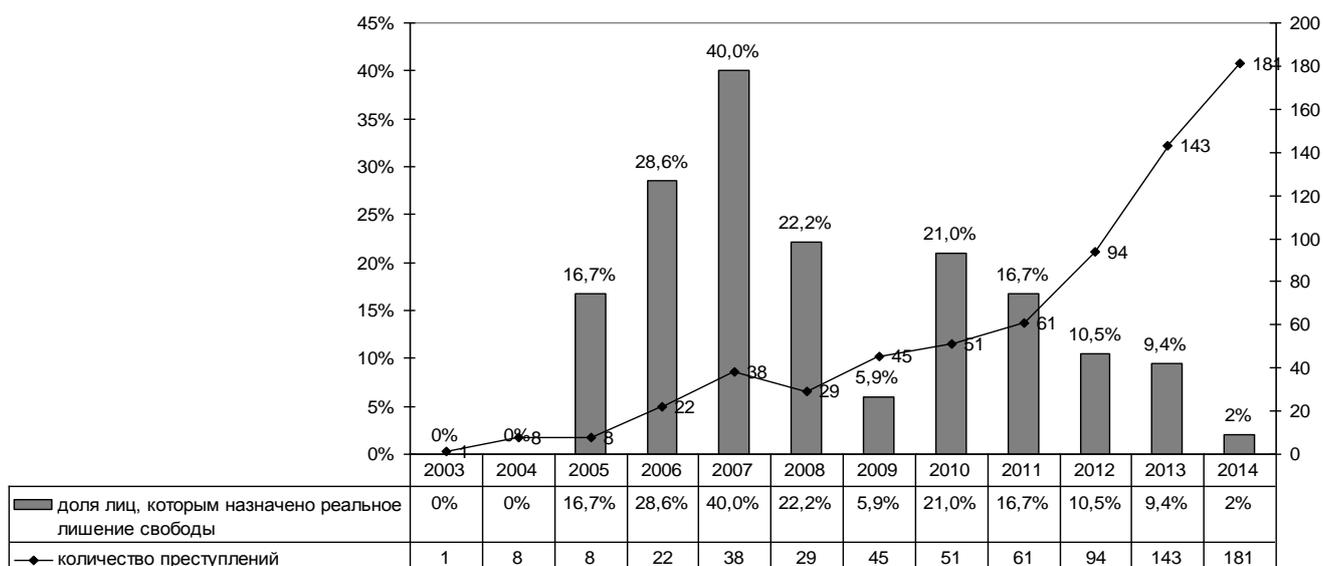

Рис. 3. Динамика назначения реального лишения свободы по ст. 280 УК РФ как за наиболее тяжкое преступление и роста данных преступлений в 2003—2014 гг.

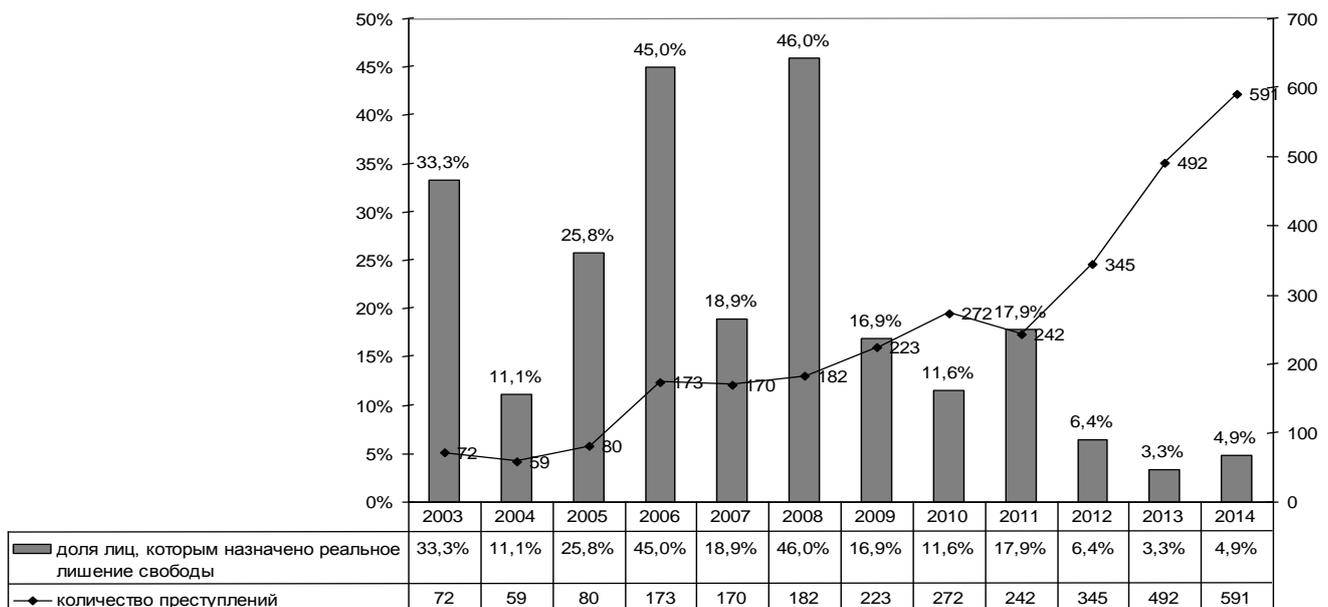

Рис. 4 Динамика назначения реального лишения свободы по ст. 282 УК РФ как за наиболее тяжкое преступление и роста данных преступлений в 2003—2014 гг.

Возможно, предложения об усилении строгости санкций более актуальны применительно не к назначению наказания за уже совершенные преступления по причине слабой востребованности их максимальных возможностей (что наглядно демонстрируют приведенные данные), а относительно превентивной задачи уголовного закона [20; 21].

Теоретически предполагается, что более строгое наказание должно оказывать более сильное сдерживающее воздействие на неустойчивых лиц. Хотя роль уголовного закона и степень его влияния на преступность — сами по себе предмет серьезных дискуссий.

Одной из основных проблем выступает сложность установления наличия и характера связи между изменением уголовного закона и уровнем преступности.

Под связью понимают «отношение, в котором изменение одной из его сторон (признака, элементов и т. д.) является необходимым и достаточным условием изменения другой ее стороны» [22, с. 43].

Как отмечал В. А. Никонов, «исходя из взаимосвязи и взаимодействия, мы вправе ожидать при изменении состояния преступности... соответствующих изменений в наказываемости. Но также верно и обратное утверждение, что при изменении, например, уровня репрессии можно

ожидать и определенных изменений в преступности. При этом возникает практически очень важный вопрос: являются ли ожидаемые изменения необходимыми?» [23, с. 41].

Вопрос вполне закономерный, причем ставить его способна сама практика. Например, можно предположить, что санкции ст. 282 УК РФ являлись слишком мягкими, слабо сдерживали неустойчивых лиц, что оказало влияние на двукратное увеличение количества таких зарегистрированных преступлений в 2013 г. по сравнению с 2011 г.

Но указанные изменения не вызвали усиления практической наказуемости, и даже наоборот: доля лиц, осужденных по ст. 282 УК РФ (как за наиболее тяжкое преступление), которым было назначено реальное лишение свободы, в 2013 г. по отношению к 2011 г. снизилась почти в 6 раз.

Усилению обоснованности предложений по усилению наказуемости путем повышения верхних пределов санкций могло бы способствовать прогнозирование изменений в соответствующей сфере преступности, хотя это очень сложная задача, ибо «по умолчанию предполагается, что запреты и наказания вводят поведение людей в определенные уголовным законом рамки. Но никем и нигде не доказана связь и уж тем более не показана теснота связи динамики преступности с изменениями уголовного

законодательства» [24, с. 106].

Усиление строгости санкции выглядит уместной законодательной мерой, когда практика назначения наказания по соответствующей категории дел свидетельствует о недостаточном потенциале санкций норм Особенной части УК РФ. Наряду с иными обстоятельствами свидетельствовать о такой недостаточности должно то, что в рамках этих санкций суды назначают более строгое наказание из числа альтернативно предусмотренных и на срок (в размере) ближе к верхнему пределу санкции.

Если констатируется наличие проблемы недостаточной наказуемости тех или иных преступлений, то целесообразно пытаться решить ее сперва в правоприменительной сфере, и лишь при доказанности на практике нехватки потенциала (недостаточной строгости) санкций норм УК РФ вносить предложения по их совершенствованию путем ужесточения. Проще говоря, сначала реализовывать меры *de lege lata*, и лишь в случае выявленной их неэффективности высказывать предложения *de lege ferenda*.

Следует согласиться с высказанным в науке мнением о том, что при совершенствовании уголовного законодательства следует избегать как необоснованного следования принципу гуманизма, смягчения санкций, перевода деяний в иную категорию тяжести, так и безоговорочного ужесточения уголовной репрессии «без оценки состояния и учета неиспользованного правоприменительной практикой потенциала действующего законодательства» [25, с. 12].

Таковы основные выводы. Признаем, что они носят в определенной степени предположительный характер: уже более тридцати лет назад в литературе было отмечено, что «нет строгого соответствия между характером и уровнем преступности и характером и интенсивностью реакции на преступность (выраженной, например, в уголовном законодательстве)» [26, с. 144]. Аналогичной точки зрения придерживается Н. Кристи: «Не существует жесткой связи между уровнем преступности и уровнем наказаний. Оба этих явления находятся друг с другом, по-видимому, в сложных и не очень понятных отношениях» [27, с. 38].

Поэтому при внесении предложений об изменении санкций, особенно в сторону их

ужесточения, необходимо учитывать данные о фактическом назначении наказания по соответствующим делам.

В целом выявленную тенденцию назначения наказания по ст. 280 и с. 282 УК РФ можно рассматривать как положительную или отрицательную в зависимости от оценки влияния практики назначения наказания на уровень преступности. Если признать наличие такой связи, то анализируемая тенденция должна оцениваться как отрицательная и свидетельствовать о необходимости изменения ситуации в сфере назначения наказания за рассматриваемые преступления, поскольку неоправданная мягкость фактической наказуемости снижает эффективность выполнения предупредительной задачи уголовного права. Кроме того, возможно и негативное воздействие на оценку населением правоприменительной деятельности, поскольку назначение наказания, значительно отступающего от максимальных пределов, может восприниматься как неоправданно мягкое отношение к лицам, совершающим преступления.

В случае же отсутствия четкой связи между практикой назначения наказания и уровнем преступности рассматриваемая тенденция должна оцениваться положительно, поскольку тем самым обеспечивается экономия репрессии и снижение числа осужденных, изолируемых от общества.

Список библиографических ссылок

1. Коробеев А. И. Советская уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы // Проблемы уголовной политики: советский и зарубежный опыт: сб. науч. ст. / отв. ред. А. В. Усс. Красноярск, 1989.
2. Дагель П. С. Проблемы советской уголовной политики: учеб. пособие. Владивосток, 1982.
3. Коробеев А. И. Советская уголовная политика: проблемы криминализации и декриминализации. Владивосток, 1987.
4. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М., 2009.
5. Лопашенко Н. А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 309.
6. Динамика числа зарегистрированных преступлений и выявленных лиц, их совершивших, в разрезе всех статей УК РФ в 2001—2005 гг. // Тенденции преступности, ее организованности, закон и опыт борьбы с терроризмом / под ред. проф. А. И. Долговой. М., 2006.
7. Зарегистрированные в России преступления и выявленные лица, их совершившие, в разрезе глав Особенной части и статей УК РФ в 2007—2009 годах // Экстремизм: социальные, правовые и криминологические проблемы / под ред. проф. А. И. Долговой. М., 2010.
8. Зарегистрированные преступления и выявленные лица, совершившие преступления, в 2001 и 2010 гг. в России в разрезе всех статей Особенной части УК РФ // Оптимизация научного обеспечения и криминологической культуры борьбы с преступностью. М., 2011.
9. Зарегистрированные преступления и выявленные лица, их совершившие, в России в 2006 и 2011 гг. в разрезе всех статей Особенной части УК РФ // Преступность, национальная безопасность, бизнес / под общ. ред. проф. А. И. Долговой. М., 2012.
10. Зарегистрированные преступления и выявленные лица в разрезе статей Особенной части УК РФ в России в 2007 и 2012 гг. // Здоровье нации и национальная безопасность / под ред. профессора А. И. Долговой. М., 2013.
11. Зарегистрированные преступления и выявленные лица в разрезе статей Особенной части УК РФ в России в 2008 и 2013 гг. // Криминологическая ситуация в России, состояние реагирования и направления антикриминальной политики / под ред. проф. А.И. Долговой. М., 2014.
12. Зарегистрированные преступления и выявленные лица в разрезе статей Особенной части УК РФ в России в 2010 и 2014 гг. // Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы / под ред. проф. А. И. Долговой. М., 2015.
13. Козлова Н. Без присяжных // Рос. газета. 2011. 15 марта.
14. Новые поправки к УК ужесточат ответственность за призывы к экстремизму и терроризму [Электронный ресурс] // Рос. газета. URL: <http://www.rg.ru/2011/03/11/zakonoprojekt-anons.html> (дата обращения: 10.01.2015).
15. Брайловская С. Свободные радикалы. Прокуратура Татарстана предлагает ужесточить наказание экстремистов [Электронный ресурс] // Рос. газ. URL: <http://www.rg.ru/2013/01/24/ekstremizm.html> (дата обращения: 10.01.2015).
16. Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном суде РФ: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 12.04.2015).
17. Алексеева А. П. Деятельность российской полиции в оценках общественности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. № 4. С. 26—33.
18. Алексеева А. П. Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации (кадровый профессионализм, открытость для доверия и оптимизация): проблемы и перспективы реализации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 4 (22). С. 16—20.
19. Алексеева А. П. «Противодействие» преступности и его отличие от других смежных понятий // Российский криминологический взгляд. 2006. №4. С. 159—163.
20. Смирнова Е. В. Наказание: эволюция от карательной модели к восстановительной // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 4 (23). С. 85—91.
21. Пихов А. Х. А. Дифференциация наказания за транснациональные преступления экстремистской направленности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 1 (32). С. 87—91.
22. Суворов Л. Н. Материалистическая диалектика. М., 1980.

23. Никонов В. А. Уголовное наказание. Поиск истины. Тюмень, 2000.
24. Жалинский А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.
25. Кашепов В. П. О противодействии уголовно-правовыми средствами вызовам и угрозам преступных посягательств на внутреннюю безопасность // Журнал российского права. 2010. № 3. С. 12, 13.
26. Основания уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) / В. Н. Кудрявцев [и др.]. М., 1982.
27. Кристи Н. Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике / под общ. ред. Я. И. Гилинского; пер с англ. СПб., 2011.
- © Хлебушкин А. Г., 2015